

Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80--90-х годов: В 2-х т.-- М., Худож. лит., 1982.

Т. 1. Вступит. статья, сост. и коммент. С. В. Букчина.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Дом, в котором помещалась редакция "Разговора", стоял во дворе. Вышневолоцкий вошел в редакцию и спросил в передней, где живет редактор "Разговора" Лаврович.

-- А они тут не живут,-- отвечал мальчик в синей блузе, выбегая из боковой комнаты.

-- А где же?

-- А они тут не служат.

-- Редакция "Разговора"?

-- Типография господина Шулейкина.

-- Но ведь вывеска, что редакция помещается...

-- Здесь, здесь! -- крикнул из глубины передней хриплый голос.-- "Разговор" здесь! Пожалуйста! Что угодно?

Из-за грязного шкафа, разделявшего переднюю на две половины -- темную и светлую,-- выглянула незнакомая физиономия с толстым, смешно приставленным к лицу носом алого цвета и с длинной беззубой улыбкой.

-- Вам что?

-- Хотелось бы повидать Лавровича...

-- Зачем?

-- Надо.

-- Как редактора? Господин Шулейкин его рассчитал. Чересчур расписался! И стихами, и прозой начал валять! Прошу покорно пожаловать... Вы не господин Стародубов?

-- Нет, я Вышневолоцкий.

Петербургский литератор с любопытством окинул взглядом редакцию московского журнала, объявившего его своим сотрудником. Грязная клеенка покрывала стол, на котором лежали первые номера "Разговора" с безвкусными виньетками. Два белых простых стула стояли по сторонам стола. На подоконнике лежали ваксенные щетки.

-- Господин Вышневолоцкий! Очень приятно! Давно изволили пожаловать в Москву? Не по вызову ли господина Лавровича? Но я за него. Хозяин прямо сказал: "Корнил Саввич, разговаривайте!" Да, журнальчик был бы хороший, если бы умеючи взялся. А то ведь чего только нет: и Бисмарк, и Гладстон¹, и спиритизм, и полемика с "Московскими ведомостями"², и полемика с "Русскими ведомостями"³, и порнография, и славянофильство! Эх, грехов много -- не могу я сам быть редактором, не утвердят: что я сделал бы! Журналисты от зависти лопнули бы!

Он с сожалением покачал головой, "Какой у него шагреневый нос,-- подумал Вышневолоцкий,-- как наперсток, истыкан".

Московский журналист продолжал:

-- Я на литературе зубы съел! Полстолетия честно служу высшей идее! У меня взгляды и глубокое образование. Я со всеми корифеями был знаком... С Тургеневым, с Некрасовым... Вам удивительно?

-- Мне по своим делам... Дайте адрес Лавровича! -- проговорил Вышневолоцкий.

-- Лаврович станет порицать меня и издателя,-- начал журналист, оторвав кусочек бумаги и макнув перо в закапанную чернильницу,-- так вы не очень-то верьте. Господин Лаврович забрал до двух тысяч денег еще в прошлом году, когда журнала не было. Весь год жалованье получал. Господин Шулейкин, бывало, каждое первое число на себе волосы рвет от чрезмерного горя, расставаясь с двумя радужными и, так сказать, бросая капитал на ветер... Получите адрес господина Лавровича.

Рот его растянулся в добродушную улыбку, и на кивок Вышневолоцкого одною головою он стал низко кланяться всем станом.

На улице Вышневолоцкий услышал, что его кто-то зовет. Он оглянулся: за ним бежал журналист в рыжем ветхом пальто и в облезлой меховой шапке.

-- Господин Вышневолоцкий! Вышневолоцкий! А Вышневолоцкий!